

ВЕРБАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ВОЙН НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

М.В. Беляков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматривается понятие дипломатической войны в новой интерпретации, изменившееся из-за перемен в современной дипломатической коммуникации – сложно организованной системы, состоящей из разнообразных компонентов: собственно дипломатических, политических, экономических, исторических, юридических, лингвистических и ряда других. В статье анализируются примеры вербальной составляющей дипломатической коммуникации с учётом коммуникативных тактик в процессе информационно-дипломатической войны, активно развивающейся в настоящее время в международных отношениях. Материалом исследования послужили тексты выступлений Постоянного представителя России в Совете Безопасности ООН В.А. Небензи и Министра иностранных дел Украины в 2014-2019 гг. П. Климкина в ситуации дипломатической конфронтации. В статье рассмотрены стратегии вербального противостояния, оцениваются характеристики эмотивности и клишированности дипломатического текста, вводится понятие имплицитно оценочного дипломатического клише. Выступления в Совете Безопасности ООН выделяются в отдельный поджанр публичных выступлений, анализируются вербальные, структурные характеристики речей, полученные количественными компьютерными средствами. По результатам количественного лингвистического анализа и анализа экстралингвистической ситуации строится лингвопрагматическая модель речевой ситуации дипломатического противостояния.

Ключевые слова: лингвостатистика, дипломатический дискурс, открытая дипломатия, дипломатические войны, Совет Безопасности ООН, Небензя, эмотивность, имплицитно оценочные клише

Несмотря на то, что дипломатический дискурс по-прежнему представляет собой один из наиболее закрытых типов институционального дискурса, к нему обращается всё больше исследователей. Изучаются его дискурсивные практики, вербальная составляющая, характерные синтаксические конструкции, сложная система семантических отношений, эмотивность и выражения оценки [2]. Дипломатическая коммуникация не останавливается ни на минуту: с начала XXI века наблюдается постоянно возрастающая международная напряжённость – происходят «цветные революции», пограничные кон-

фликты, террористические акты в разных концах мира, торговые и санкционные войны, межэтнические и региональные конфликты. Переход части дипломатического дискурса в медийное пространство упрощает его изучение, поскольку современная дипломатическая коммуникация осуществляется на самых разных уровнях восприятия – визуальном, аудиальном, мультимедальном. Современной дипломатии приходится действовать в ситуации информационных войн, реализующихся на всех этих уровнях.

Очень часто (по-видимому, теперь всегда) прямым вооружённым конфликтам предше-

ствуют информационные войны. Информационная война, по мнению И.Н. Панарина, есть основное средство современной мировой политики и экономики, доминирующий способ достижения политической, духовной, финансовой и экономической власти [5]. В такой ситуации дипломатическая коммуникация приобретает особые черты, нередко переходя в вербальные информационно-дипломатические войны.

Ещё в 50 г. XX века директор ЦРУ Аллен Даллес сформулировал основные стратегические цели ведения информационно-идеологической войны против СССР, которые теперь реализуются в отношении России [1, с. 595]. В наши дни основным средством ведения такой войны являются медиа, в первую очередь Интернет. Информационные войны, затрагивающие международные отношения, порождают войны дипломатические. Дефиниции термина «дипломатическая война», зафиксированной в лексикографических источниках, не существует. До определённого времени под этим термином понималось противостояние на уровне дипломатических ведомств, так называемые «симметричные ответы» [8], например, в случае наложения ареста на дипломатическую собственность, как с объектами российской дипсобственности в США в 2016 году, или высылки дипломатов из страны по разным поводам, в частности, обвинению в шпионаже и ответной высылке дипломатов, как в начале 2020 года произошло в Болгарии с двумя российскими дипломатами. По нашему мнению, этот термин можно расширить до противостояния дипломатов на вербальном уровне, которое, в частности, постоянно происходит на заседаниях Совета Безопасности ООН.

Целью данного исследования является лингвостатистический анализ компьютерными средствами выступления Постоянного представителя России в Совете Безопасности (СБ) ООН В.А. Небензи как примера вербального дипломатического противостояния на уровне СБ. Объект исследования – речь В.А. Небензи от 29.05.2018 г. как ответная реакция на выступление министра иностранных дел Украины П. Климкина, также рассмотренного в рамках исследования; предмет исследования – выявление вербализованных коммуникативных стратегий и тактик и уровня эмотивности речи дипломата и его оппонента в ситуации обострившегося дипломатического противостояния.

Совет Безопасности ООН создан в 1946 году с целью обсуждения и разрешения дипломатиче-

ским путём самых острых международных проблем. Пост Постоянного представителя России в Совете Безопасности ООН занимают дипломаты самого высокого ранга. С июля 2017 года на этом посту работает Василий Алексеевич Небензя, имеющий высший дипломатический ранг Чрезвычайного и полномочного посла.

Деятельность Полномочного представителя при ООН всегда была непростой, так как в Совете Безопасности обсуждаются наиболее острые международные проблемы, и представитель каждой из 15 стран-участников должен вербальными средствами, используя все доступные способы речевого воздействия, доносить мнение своего государства, чтобы впоследствии Советом было принято коллегиальное решение. Учитывая тот факт, что выступление ограничено по времени регламентом, прагматическая и семантическая нагруженность текста должна быть максимально оптимальной.

Сейчас аудитория выступлений в СБ не ограничивается собственно 15-ю членами Совета Безопасности, как было в начале его деятельности в 1946 году, поскольку записи открытых заседаний доступны на сайте ООН и частично на сайтах дипломатических ведомств разных стран. Очевидно, что поведение выступающих, в том числе и вербальные характеристики речей, изменились (см. [4, с. 128-135]). Но поскольку заседания СБ ООН являются открытыми по сути и оцифрованными по форме, есть возможность проанализировать данные тексты как качественными, так и количественными методами.

Безусловно, выступления Постоянного представителя при ООН являют собой особую форму дипломатической речи, относящуюся к жанру публичных выступлений в рамках более широкого жанра общественно-политических речей, нередко более яркую, эмоционально насыщенную, метафоричную, отчасти выходящую за рамки дипломатического стиля. В целом, такие выступления можно выделить в отдельный поджанр, поскольку, с одной стороны, дипломат-адресант выступает в роли «делегированного субъекта», выражая не собственное мнение, а мнение представляемого им государства, соответственно, его дискурсивное поведение ограничено этими рамками. С другой стороны, в своей речи дипломат, что совершенно естественно, использует характерные для его идиолекта речевые обороты, которые не должны выходить за рамки дипломатической речи, но, вместе с тем, должны быть яркими и понятными слушателям –

представителям других лингвокультур, чтобы речь достигла поставленной прагматической цели [3 с.453-460].

Благодаря тому, что тексты речей всех выступающих на заседаниях Совета Безопасности ООН хранятся в электронной библиотеке Security Council в открытом доступе в формате .pdf, начиная с 1964 года (более ранние речи (с 1946 года) выложены в виде скан-копий, которые сложнее обрабатывать), есть возможность провести компьютерный анализ любой из находящихся в библиотеке речей.

Применённая методика анализа определялась поставленной целью – выявить максимально объективными средствами лингвостатистики количественные характеристики дипломатической речи в обострившейся экстралингвистической ситуации (проблематика отношений с Украиной), а именно обработать текст средствами прикладной компьютерной количественного контент-анализа программы Yohicoder 0.6.5.0, чтобы получить словарь-конкорданс, который позволяет локализовать все словоформы, входящие в текст, определить их дистрибуцию, благодаря чему легко, с одной стороны, получить частотные характеристики вхождения словоформ, а с другой – выделить дипломатические клише, речевые обороты, коннотации, эмотивную лексику и пр. Автоматизированная обработка текста компьютерными онлайн-программами SEO-анализа (Search Engine Optimization) позволяет объективно получить ряд количественных данных, а также такие характеристики текста, как его семантическое ядро, лемматизированные словоформы и ряд других. Программы такого типа устанавливают разные статистические параметры текста, такие, как, например, классическая тошнота текста (заспамлённость текста), академическая тошнота текста (соотношение наиболее частотных и значимых слов), водность текста (процентное соотношение незначимых слов (стоп-слов) к общему количеству слов текста).

Для анализа мы выбрали речь В.А. Небензи от 29 мая 2018 года, поскольку она представляет собой яркий пример выступления дипломата в рамках навязанной России информационно-дипломатической войны.

На повестке дня заседания СБ ООН от 29 мая 2018 года [10] стояло обсуждение положения дел на Украине, в качестве приглашённого выступал бывший в то время министром иностранных дел Украины П. Клишкин. На заседании, длившемся

3 часа, выступили все 15 членов СБ ООН, а также три высших чиновника СБ ООН: г-жа Р. Дикарло, г-н Э. Апакан и г-жа У. Мюллер. Проведя критический дискурс-анализ речей, можно сделать вывод, что это заседание вполне можно рассматривать как пример информационно-дипломатической войны, поскольку речи наполнены конфликтосодержащей лексикой, нетипичными для дипломатической речи синтаксическими оборотами, представлением непроверяемой информации в намеренно негативном свете (см. ниже). В целом, выступления можно разделить на две большие группы по степени конфликтосодержащей риторики в отношении России. Основным маркером является эксплицитное упоминание в речи слова «Россия». Если слова *Россия* в выступлении нет, то речи, несмотря на присутствие лексики с отрицательной коннотацией (*убийства, жертвы, насилие, страдания, ущерб, война, конфликт* и пр.) имеют в целом нейтральный характер, выдержаны в рамках дипломатического стиля, в них нет негативной оценочной лексики в адрес нашей страны. Это один из способов определения тональности в тексте – выражение мнения при помощи фактической лексики. К этим выступлениям относятся речи г-жи Дикарло, г-на Апакана, г-жи Мюллер, г-на Делаттра (Франция), г-на Ма Чжаосюй (Китай), г-на Умарова (Казахстан) и др. Двенадцать выступавших конструктивно и уравновешенно характеризовали сложившуюся вокруг Украины ситуацию, используя мигитативные стратегии смягчения с прагматической целью – с одной стороны, высказать своё мнение с оценкой ситуации без обвинения конкретного объекта, а с другой – остаться в рамках дипломатического дискурса.

Остальные пять выступавших – представители Польши, Украины, Швеции, Нидерландов, Соединённого королевства, США – вербально продемонстрировали однозначно негативное отношение к России в сложившейся ситуации. При этом объектом оценки является не ситуация, как в предыдущих речах, а объект – Россия. В этих речах слово *Россия* высокочастотно и употребляется в резко оценочном контексте, реализуемом, по большей части, с помощью именных групп, например, *враждебные действия России* (г-н Чапутович (Польша)); *активная дестабилизирующая роль России* (г-н Блок (Нидерланды)); *продолжающаяся агрессия России* (г-н Ског (Швеция)); *поддерживаемые Россией сепаратисты; Россия должна прекратить начатые ею*

боевые действия; <...> проведённая Россией аннексия Крыма является незаконной (г-жа Пирс (Соединённое Королевство)); Россия вторглась; Россия создала угрозу катастрофы; Россия является движущей силой в украинском конфликте (г-жа Хейли (США)).

Выступление приглашённого министра иностранных дел Украины П. Климкина представляет собой яркий пример негативной оценочной риторики, реализованной при помощи вербализованных эмоций, ожидаемо спровоцировавших ответную речь В.А. Небензи в той же тональности, что можно рассматривать как пример вербального информационно-дипломатического противостояния. Лингвостатистические показатели текста выступления П.Климкина, полученные средствами автоматической онлайн обработки текста SEO (advego), подтверждают этот тезис.

Г-н Климкин (Украина): «... приверженность противодействию агрессии России в отношении моей страны...; <...> единодушно осудили реваншистскую политику Кремля; российские войска обстреливают и убивают на нашей территории не только моих соотечественников; послужили ужасным напоминанием о цене российской агрессии. <...> 18 мая российские оккупационные силы обстреляли жилые районы; взорвался выпущенный российскими марионетками снаряд; <...> Действия российских оккупационных властей уже привели к экологической катастрофе; <...> Оккупация привела к ускоренной милитаризации Крыма. Россия более чем в два раза увеличила численность своих вооружённых сил в Крыму и продолжает готовить крымскую военную инфраструктуру для размещения ядерного оружия» [10, с.32].

Таблица 1

Статистика выступления П. Климкина

Наименование показателя	Значения
Количество слов	2042
Количество уникальных слов	863
Количество значимых слов	629
Количество стоп-слов	709
Водность	69,2%
Классическая тошнота документа	5,29
Академическая тошнота документа	5,3%

Таблица 2

Лексемы (фрагмент)

Слово	Количество	Частота, %
российский	28	1,37
Россия	28	1,37
Украина	20	0,98
Крым	13	0,64

Слово	Количество	Частота, %
оккупировать	10	0,49
международный	9	0,44
оккупация	8	0,39
конфликт	6	0,29
нарушение	6	0,29
агрессия	5	0,24
безопасность	5	0,24
военный	5	0,24
незаконный	5	0,24
оккупационный	5	0,24
нападение	4	0,20
свобода	4	0,20
насилие	3	0,15
обстрел	3	0,15
оружие	3	0,15
режим	3	0,15
снаряд	3	0,15
ядерный	3	0,15
борьба	2	0,10
вооружить	2	0,10

Максимальной частотой обладают слова, конкретизирующие тематику выступления, однако, стоит отметить лексему с наибольшей частотой – Россия. Если учитывать производные (российский) и узуальные синонимы (оккупирующая держава, Кремль, Москва, оккупационные власти, оккупационная администрация, режим), то общая частота употребления слов данной лексико-семантической группы существенно возрастёт. В данной речи лексема Россия обладает строго отрицательной коннотацией, повышение её частотности способствует переходу речи П. Климкина в негативную тональность, без дипломатической мигитации. Прагматическую модель выступления формирует использование:

1) непроверяемых деклараций, например: <...> С начала оккупации оккупирующая держава целенаправленно переселяет на полуостров огромное число поселенцев. Она ввозит поселенцев из различных регионов и создаёт невыносимые условия для местного населения, пытаясь заставить его покинуть полуостров; <...> сегодня Крым является огромной военной базой, которая нередко используется для осуществления российского вмешательства на удалённых территориях, в том числе в Сирии; <...> [10, с. 33-34];

2) редких для дипломатической речи риторических вопросов: <...> В этой связи я хотел бы спросить представителя России: этот снаряд был доставлен последним так называемым «гуманитарным конвоем» или же российские марионетки купили тяжёлые боеприпасы и вооруже-

ния в местном супермаркете, либо же они смогли изготовить копии всех видов оружия, ввозимого на Украину? К сожалению, это риторический вопрос – не требующий ответа, тем более ответа Российской Федерации. Для этого должно быть хоть какое-то чувство ответственности <...> [там же] (ответ на вопрос даёт сам выступающий в неприемлемом для дипломатического дискурса тоне).

Прагматическая модель выступления строится на использовании всех имеющихся в распоряжении выступающего синтактико-семантических конструкций с единственной целью – обвинить и унизить объект оценки, в данном случае Россию, сформировав негативной риторикой устойчивый отрицательный имидж, представив страну, от имени которой выступал П. Климкин, страдающей жертвой.

После речей Постоянных представителей ряда стран, тональность которых была явно негативной по отношению к России, выступил Постоянный представитель России В.А. Небензя. Полученные после автоматической обработки текста средствами SEO-анализа (advego.ru) лингвостатистические характеристики выступления показали, что речь необычно объёмна – 2939 слов. Как правило, выступления на заседаниях СБ ООН ограничены по времени и бывают заметно короче, что осложняет донесение мнения страны по обсуждаемому вопросу. Количество уникальных слов в речи – 1202, водность текста ниже нормы – 66,5%, что указывает на информативность содержания. Выделенное по результатам компьютерного анализа семантическое ядро текста показывает, что максимальной частотой обладают гиперлексемы (где гиперлексема – множество однокоренных лексем разных частей речи, связанных отношением трансформации и представленных в виде квазиоснов), маркирующие тему выступления: *украин* (55), *киев* (35), *росси* (31), *минск* (26), *донбасс* (16). Однако к ряду частотных относятся и заведомо конфликтосодержащие гиперлексемы, такие как *власть* (21) (в контексте *киевская власть*), *война* (7), *умереть* (8), *расследование* (8), *конфликт*, *трагедия* (4), *бандера*, *революция*, *ракета*, *террорист*, *шизофрения* (3) и др.

Коммуникативными характеристиками дипломатического дискурса в целом можно считать речевое смягчение и коммуникативную толерантность с использованием митигативных прескрипций (некатегоричность, сдержанность, уклончивость, корректность) [9]. К тактикам относят:

– тактику неопределённой референции *никто и никогда не предположит*;

– тактику литотного смягчения уступки *России, мягко выражаясь, к огромному сожалению*;

– тактику эвфемистических замен *никто и никогда не предположит* (вместо конкретной номинации), *широко признается*;

– тактику модусного ограничения *возможно, не стоит драматизировать*; тактику подчёркивания субъективности оценок *мы считаем* [Там же].

Однако анализируемая речь В.А. Небензи, произнесённая после обвинительного выступления П.Климкина, была насыщена нетипичными для дипломатического дискурса эмотивными оценочными суждениями, поскольку речь П. Климкина, в свою очередь, была выстроена по принципу автоматизации нагнетания отрицательной информации (истинность этой информации не слишком важна), и массированного эмотивно-информационного давления, что является общей схемой подготовки информационных военных операций [7]. Такое противостояние можно рассматривать как своего рода вербальную «дипломатическую дуэль».

Свою речь В.А. Небензя произнёс очень эмоционально, с использованием иронии и сарказма, что показывает критический контент-анализ речи:

Г-н Небензя (Российская Федерация): «Я очень внимательно слушал своих коллег – теперь **извольте, пожалуйста, послушать меня. Наберитесь терпения.** <...> «В феврале 2014 года на Украине произошла «революция достоинства». (Напомню: синоним слова «революция» – это переворот. Значит, в Киеве всё-таки признают, что на Украине произошёл переворот и захват власти?) <...> Я мог бы продолжить перечень этих **убогих тезисов**, но оставлю возможность г-ну Климкину развить и дополнить их. Проблема в том, что мы имеем дело с **продавцами воздуха**. Но надо отдать им должное: киевская пропаганда преуспела в создании образа несчастной, свободолюбивой и миролюбивой Украины, отчаянно сопротивляющейся **коварному и ненавидящему её и ненавистному ей Мордору**. Преуспела не одна. В этом ей помогли и помогают её **покровители** на Западе (**они все сейчас сидят в этом зале по левую и по правую руку от меня**). Правда, в последнее время и они стали понимать, что что-то в этой картине не сходится. **Уж больно эта картина сюрреалистич-**

на. Украина объявила о том, что находится в состоянии войны с Россией (правда, непонятно, кто в данном случае агрессор, поскольку мы в состоянии войны ни с кем не находимся). <...> Но есть панацея – все беды Украины можно списать на Россию. Так и происходит и, как правило, в карикатурных формах. <...> Уровень шизофрении на Украине зашкаливает. Напомню, шизофрения – это не ругательство. Это психиатрический синдром раздвоения личности. Украина благодаря стараниям её нынешних властей живёт в двух параллельных мирах – состоянии выдуманной «гибридной войны» с Россией и в реальном мире, где никакого «российского вторжения» нет. <...>» [10, с.24-30]:

Таблица 3
Конкорданс выступления В.А. Небензи (фрагмент)

состоянии выдуманной гибридной войны с	Россией	и в реальном мире где
Соединенных Штатов нравоучения о нарушении	Россией	международного права и вторжении в
Вы об этом забыли с	Россией	на языке ультиматумов разговаривать никому не позволено
на Донбассе мотивы и замыслы	России	Вам это неизвестно. Зато хорошо
лишь очаг нестабильности у границ	России	и злорадное удовлетворение от напряжённости
обеспечить прозрачность расследования Генеральная прокуратура	России	всегда оперативно и в полном
цепную реакцию обвинений в адрес	России	в духе британского highly likely
и Австралией безапелляционным требованием к	России	признать свою вину. Я не
Киев относит ополченцев и мифические	российские	войска, демонстрируя в подтверждение их
бы ни происходило на Украине	российский	след это универсальный тезис Вы
сегодня в Киеве был убит	российский	гражданин журналист Аркадий Бабченко
еще раз огорчить некоторых присутствующих	российских	войск на Донбассе нет. Кстати
в реальном мире где никакого	российского	вторжения нет. Именно для того
разрушить созданную им удобную парадигму	российской	агрессии и поддерживаемых ею террористов
снайперов пытались угрожать физической расправой	российскому	дипломату. Привезла этих снайперов и

пыталась представить все это как	российскую	клевету ложь и пропаганду. До
границы посещают родственников приезжают в	Россию	на заработки, отдыхают в якобы
беды Украины можно списать на	Россию	Так и происходит и как
ненависти изливает киевская власть на	Россию	какую ложь они позволяют себе
украинская власть обвинит в этом	Россию	как уже не раз происходило
произошел переворот и захват власти	Россия	не смирилась с этим и
на Донбассе. Она оккупировала Крым	Россия	фактически ведет Третью мировую войну
справедливо говорили. Стала расхожей фраза	Россия	должна выполнить Минские договоренности. Но
прежде всего простые украинские граждане	Россия	в этом заинтересована больше всех
к ответственности. Напомню что именно	Россия	сразу после трагедии была у

Полученный в результате компьютерной обработки речи конкорданс позволяет определить дистрибуцию лексем, уточнив их узусное значение. Стоит отметить, что В.А. Небензи не стремится быть предельно политкорректным, называя войну войной, а не конфликтом, а убитых и раненых – именно так, а не сопутствующими потерями. Кроме того, речь В.А. Небензи, по нашим наблюдениям, в отличие от выступлений дипломатов более низкого ранга, с одной стороны, насыщена эмотивными конструкциями в форме разного рода [2] ярких речевых оборотов и сравнений (*коварному и ненавидящему её и ненавистному ей Мордору*), с другой – апелляцией к документам и протоколам, в данной речи – к пошаговому анализу Минских соглашений. Безусловно, эмотивная сила речевых оборотов в речах выделенного нами поджанра выступлений в СБ ООН заметно увеличивается, поскольку они появляются на общем фоне клишированных фраз [Там же], включая имплицитно оценочные дипломатические клише (*транспарентное следствие, беспочвенные выводы, полноправные участники* и многие другие) и сухой нейтральной лексики.

Синтаксические конструкции, которые можно расценивать как эмотивные (восклицательные, вопросительные, повторы, инверсия и пр.) активно используются обоими выступающими.

Выводы: оба выступления соответствуют параметрам, которые предложены в работе С.П. Расторгуева «Информационная война. Про-

блемы и модели»: похожесть текста на текст, повышение уровня эмотивности от текста к тексту [6]. По своей силе сообщения не равны друг другу, но значимость их может быть повышена их повторением. И нередко если фактов нет, то их придумывают, что является ещё одной стратегией информационно-дипломатической войны. В случае выступления П.Климкина предлагается не собственно новость, а её оболочка, симулякр, без конкретного наполнения.

Таким образом, лингвопрагматическая модель речевой ситуации вербального дипломатического противостояния в СБ ООН, с учётом представленности в медийной среде, может быть представлена следующим образом:

1) обстоятельства действия, где происходит коммуникация: наличие узкой аудитории (собственно членов СБ, высказывающих своё мнение), наличие широкой аудитории (гипотетических читателей стенограмм отчётов заседаний СБ/ зрителей теле/видеоканалов), что определяет некую «театральность» действия. Театральность определяет выбор лексики, включая конфликтостимулирующую, нетипичные для дипломатической речи синтаксические обороты, напри-

мер, риторические вопросы; иронию и сарказм, не принятые в иной дипломатической ситуации;

2) отношения между коммуникантами, которые в любой конфликтостимулирующей ситуации не должны проявляться эксплицитно;

3) речевая интенция:

а) выступление в роли «делегированного субъекта»;

б) представление непроверяемой информации, вызывающей необходимость непроститанной заранее реакции.

Таким образом, существуют типовые модели коммуникации в рамках выступлений в Совете Безопасности ООН, где при обсуждении наиболее острых международных тем оппоненты переходят в фазу «дипломатической дуэли», что подтверждает лингвостатистический анализ. Но, учитывая, сколь долго во времени тянутся те или иные международные конфликты, дипломатические дуэли в СБ переходят в стадию вербальной информационно-дипломатической войны, которую, тем не менее, профессиональные дипломаты выигрывают, умело используя универсальные и специфические для дипломатии коммуникативные модели.

Список литературы

1. Беляков М.В. Семиотические доминанты презентации информации в цифровой дипломатии // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. №3. 2019. с. 593-602.
2. Беляков М.В. Характер эмотивности дипломатического дискурса // Вестник РУДН сер. Лингвистика 2015, №2. с. 124-132.
3. Максименко О.И. Прагматика метафоры в русском дипломатическом дискурсе / О.И. Максименко, М.В. Беляков // IV Фирсовские чтения «Язык в современных дискурсивных практиках». Материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. М., 22-23.10.19, РУДН. С.453-460.
4. Максименко О.И. Языковая личность советских и российских дипломатов (на примере речей постоянных представителей СССР и РФ в Совете Безопасности ООН) / О.И. Максименко, М.В. Беляков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Языковая личность. Том XVII. Выпуск 1, 2020. С. 128-135.
5. Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. М.: Городец, 2004. 526 с.
6. Расторгуев С.П. Информационная война. Проблемы и модели. М.: «Гелиос АРВ», 2006. 240 с.
7. Расторгуев С.П. Планирование и моделирование информационной операции // Информационные войны. 2014, № 1 (29). С. 2-10.
8. Самойленко В.В. Дипломатическая служба. М.: Норма Инфра-М, 2015. 320 с.
9. Трабелси Х. Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса. Автореферат канд. дисс. М., 2013. 23 с.
10. Заседание СБ ООН от 29 мая 2018 года [Электронный ресурс] – URL: <https://digitallibrary.un.org/search?ln=ru&p=S%2FPV.8270&f=&c=Resource+Type&c=UN+Bodies&sf=&so=d&rg=50&fti=0>

Сведения об авторе:

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: дипломатический дискурс, компьютерная лингвистика (контент-анализ и сентимент-анализ), лингвистическая теория эмоций. E-mail: belmax007@hotmail.com

THE VERBAL COMPONENT OF THE MODERN TIME DIPLOMATIC WARS (LINGUOSTATISTICAL ANALYSIS)

Mikhail V. Belyakov

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *A new interpretation of a “diplomatic war” is considered in the context of changed diplomatic communication – a complex organized system consisting of various components: diplomatic, political, economic, historical, legal, linguistic, and other. The article analyzes the examples of the verbal component of diplomatic communication on the basis of the communicative tactics in the process of information and diplomatic war, currently developing in international relations. The research material includes texts of speeches made by the Permanent Representative of Russia to the UN Security Council V.A. Nebenzya and the Minister for Foreign Affairs of Ukraine P. Klimkin (2014-2019) in a situation of diplomatic confrontation. The strategies of verbal confrontation, and the characteristics of emotivity and clichéd character of a diplomatic text are considered; the concept of implicitly evaluative diplomatic cliché is introduced. UN Security Council speeches are singled out into a separate subgenre of public speeches and verbal and structural characteristics of speeches obtained by quantitative computer tools are analyzed. Based on the results of quantitative linguistic analysis and the analysis of the extralinguistic situation, a linguopragmatic model of the speech situation of a diplomatic confrontation is suggested.*

Key Words: *linguostatistic, diplomatic discourse, public diplomacy, diplomatic war, the UN Security Council, Nebenzya, emotivity, implicitly evaluative cliché*

References

1. Belyakov M.V. Semioticheskie dominanty prezentatsii informatsii v tsifrovoi diplomatii [Semiotic Dominants of the Information Presentation in digital Diplomacy] // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2019 Volume 10 No. 3 Pp. 593-602.
2. Belyakov M.V. Kharakter emotivnosti diplomaticheskogo diskursa [Emotive Peculiarities of the Diplomatic Discourse] // RUDN Russian Journal of Linguistics. 2015 No. 2. Pp. 124-132.
3. Maksimenko O.I. Pragmatika metafory v rusском diplomaticheskome diskurse [Pragmatics of Metaphor in Russian Diplomatic Discourse] / O.I. Maksimenko, M.V. Belyakov // IV Phirsov Readings ‘Language in modern discursive practices’. Proceedings of the International scientific and practical conference. M., 22-23.10.19, RUDN. p.453-460.
4. Maksimenko O.I. Iazykovaia lichnost’ sovetских i rossiiskikh diplomatov (na primere rechei postoiannykh predstavitelei SSSR i RF v Sovete Bezopasnosti OON) [Language personality of Soviet and Russian diplomats (on the example of speeches of permanent representatives of the USSR and the Russian Federation in the UN Security Council)] / O.I. Maksimenko, M.V. Belyakov // The Humanities and Social Studies in the Far East. Volume XVII Issue 1, 2020, pp. 128-135.
5. Panarin I.N. Informatsionnaia voina i diplomatiia [Information war and diplomacy]. M.: Gorodets, 2004, 526 p.
6. Rastorguev S.P. Informatsionnaia voina. Problemy i modeli [Information war. Problems and models]. M.: Helios ARV, 2006, 240 p.
7. Rastorguev S.P. Planirovanie i modelirovanie informatsionnoi operatsii [Planning and modeling of information operations] // Information wars. 2014, No. 1 (29), pp. 2-10.
8. Samoylenko V.V. Diplomaticheskaja sluzhba [Diplomatic service]. M.: Norma Infra-M, 2015, 320 p.
9. Trabelsi H. Lingvokommunikativny analiz diplomaticheskogo diskursa [Linguocommunicative analysis of the Diplomatic Discourse]. Author’s abstract of PhD thesis, M., 2013. 23 p.
10. UN Security Council meeting from May 29, 2018, digitallibrary.un.org/search?ln=ru&p=S%2FPV.8270&f=&c=Resource+Type&c=UN+Bodies&sf=&so=d&rg=50&fti=0

About the author:

Mikhail V. Belyakov – PhD, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the Russian Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Research and professional interests: diplomatic discourse, computational linguistics (content analysis and sentiment analysis), linguistic theory of emotions. E-mail: belmax007@hotmail.com